

Харуки Мураками

Кафка на пляже

© Перевод. С. Логачев, И. Логачев, 2015

© ООО «Издательство «Эксмо», 2015

* * *

Парень по прозвищу Ворона

– А с монетой у тебя как? Решил вопрос? – интересуется парень по прозвищу Ворона. Он говорит, лениво растягивая слова. Такая у него манера. Словно только что очнулся от тяжелого сна – мышцы рта отяжелели и еще плоховато слушались. Но это все видимость, а на самом деле сна ни в одном глазу. У него так всегда.

Я киваю.

– И сколько?

Снова пересчитываю в уме и отвечаю:

– Наличными тысяч четыреста^[1]. Да еще в банке на карточке немного. Конечно, маловато, но пока обойдусь как-нибудь.

– Куда ни шло, – говорит Ворона. – **На первое время.**

Я киваю.

– Денежки-то, поди, не Санта-Клаус на Рождество принес? – продолжает он.

– Нет.

Ворона кривит насмешливо губы и оглаживается по сторонам.

– Откуда взял? Не иначе как вот здесь, кое у кого из ящика, а?

Я молчу. Понятное дело, он знает, что это за деньги. К чему все эти вопросы – вокруг да около? Специально подразнить меня хочет. Вот и все.

– Ладно, – говорит Ворона. – Тебе деньги нужны. Без них никак. Вот ты их и достал. А как – в долг взял, позаимствовал тайком, украл... Какая разница? Денежки-то все равно твоего отца. На какое-то время должно хватить. Но вот потратишь ты четыреста тысяч или сколько там у тебя – и

что дальше? Деньги в кошельке, как грибы в лесу, не растут. Есть надо, спать где-то. Кончатся деньги-то.

– Тогда и думать буду, – говорю я.

– **Тогда и думать буду**, – повторяет за мной Ворона с таким видом, будто взвешивает мои слова на ладони.

Я киваю.

– Например? Работу найдешь?

– Наверное, – отвечаю я. Ворона качает головой.

– Ну ты даешь! Ты еще жизни-то не знаешь. Какую работу найдешь у черта на рогах? Тебе ж пятнадцать всего. Еще в школу ходишь. Кто такого возьмет?

Я чувствую, как краснею. У меня так постоянно: чуть что – сразу краснею как рак.

– Хорошо. Не будем о плохом, когда еще и не сделано ничего. Решил – значит, решил. Теперь остается делать. Это **твоя** жизнь, в конце концов. Как задумал, так и действуй.

Все правильно. В самом деле, это же **моя** жизнь.

– Хотя я тебе скажу: покруче надо быть, а то ни фиги не получится.

– Стараюсь, – говорю я.

– Да уж давай. Ты за последние годы силы прибавил. Заметно. Это факт.

Я киваю.

А Ворона продолжает:

– И все равно: тебе всего пятнадцать лет. Жизнь, мягко выражаясь, только началась. Сколько ты еще на этом свете не видал! И вообразить себе не можешь.

По обыкновению, мы сидим с ним на старом кожаном диване у отца в кабинете. Вороне тут нравится. Он прямо тащится от понатыканных в кабинете разных хрупких вещей. Вот и сейчас вертит в руках пресс-папье – стеклянную пчелку. Хотя когда отец дома, мы, конечно, и близко к кабинету не подходим.

– Мне все равно надо отрываться отсюда. Обратного хода нет.

– Так-то оно так, – соглашается Ворона. Ставит пчелку на стол и закидывает руки за голову. – Хотя все равно этим ты всех проблем не решишь. Может, я тебя опять с пути сбиваю, но ты подумай: ну убежишь куда-нибудь... ну, предположим, далеко – и что? Думаешь, с концами? Чем дальше, тем лучше? Я бы на это особо не рассчитывал.

Я снова задумываюсь: стоит ли ехать далеко или поближе сойдет? Ворона вздыхает и надавливает пальцами на веки. Закрывает глаза и вещает из своего мрака:

– Поиграем в нашу игру?

– Давай, – откликаюсь я, зажмуриваюсь и медленно набираю в грудь воздуха.

– Поехали? Представь себе стра-а-а-ш-шнюю песчаную бурю. Выкинь остальное из головы.

Делаю, как он сказал: представляю **стра-а-а-ш-шнюю песчаную бурю**, выбрасываю из головы все остальное. Даже самого себя забываю. Превращаюсь в пустое место. И сразу все вокруг меня плывет. А мы с Вороной сидим, как обычно, в отцовском кабинете на старом диване, и это все наше, общее...

– Судьба иногда похожа на песчаную бурю, которая все время меняет направление, – слышу я голос Вороны.

Судьба иногда похожа на песчаную бурю, которая все время меняет направление. Хочешь спастись от нее – она тут же за тобой. Ты в

другую сторону – она туда же. И так раз за разом, словно ты на рассвете втянулся в зловещую пляску с богом смерти. А все потому, что эта буря – не то чужое, что прилетело откуда-то издалека. А ты сам. Нечто такое, что сидит у тебя внутри. Остается только наплевать на все, закрыть глаза, заткнуть уши, чтобы не попадал песок, и пробираться напрямик, сквозь эту бурю. Нет ни солнца, ни луны, ни направления. Даже нормальное время не чувствуется. Только высоко в небе кружится белый мелкий песок, которым, кажется, дробит твои кости. Вообрази себе такую бурю.

И я вообразил: белый смерч поднимается в небо столбом, напоминая толстый скрученный канат. Плотно зажимаю обеими руками глаза и уши, чтобы песчинки не проникли в тело. Песчаный смерч движется прямо на меня. Он все ближе и ближе. Я кожей чувствую, что ветер еще далеко, но уже давит на меня. Сейчас проглотит...

Ворона мягко кладет мне руку на плечо, и буря исчезает. Но я не открываю глаза.

– Ты должен стать самым крутым среди пятнадцатилетних. Что поделаешь: хочешь выжить в этом мире – другого выхода нет. А для этого нужно самому понять, что это такое: стать по-настоящему крутым. Понимаешь?

Я не отвечаю. Чувствую на плече его руку, и мне хочется взять и заснуть прямо сейчас. До меня доносится еле слышное хлопанье крыльев.

Я погружаюсь в сон, а Ворона тихонько шепчет мне в самое ухо:

– Ты должен стать самым крутым среди пятнадцатилетних. – Словно темно-синими чернилами наносит татуировку на мое сердце.

Ты конечно же, выберешься из этой жестокой песчаной бури. Метафизическая, абстрактная, она, тем не менее, словно тысячей бритв, немилосердно кромсает живую плоть. Сколько людей истекают

кровью в этой буре? Твое тело тоже кровоточит. Течет кровь – теплая и красная. Ты набираешь ее в ладони. Это и твоя кровь, и чужая.

Когда буря стихнет, ты, верно, и сам не поймешь, как смог пройти сквозь нее и выжить. Неужели она и впрямь отступила? И только одно станет ясно. Из нее ты выйдешь не таким, каким был до нее. Вот в чем смысл песчаной бури.

Когда мне исполнится пятнадцать, я уйду из дома, приеду в далекий незнакомый городок и поселюсь там в маленькой библиотеке, в каком-то закутке.

Конечно, если рассказывать обо всем по порядку, во всех деталях – на это уйдет целая неделя. Но, в общем, суть такова: **Когда мне исполнилось пятнадцать, я ушел из дома, приехал в далекий незнакомый городок и поселился там в маленькой библиотеке, в каком-то закутке.**

Может быть, это похоже на сказку. Но это не сказка. С какой стороны ни посмотри.

Глава 1

Уходя из дома, я забрал из отцовского кабинета не только деньги. Прихватил и старую золотую зажигалку (мне нравилось, как она сделана, – приятно ощущать ее тяжесть в руке) и острый складной нож. Такими свежуют оленей. Увесистая штукавина, ладонь оттягивает. Лезвие – двенадцать сантиметров. Откуда он у отца? Может, за границей подарили? Взял из ящика стола мощный карманный фонарь. Еще солнечные очки нужны, чтобы никто не знал, сколько мне лет. Фирменные «Рево» с темно-синими стеклами оказались в самый раз.

Я замахнулся было и на «Ролекс-Ойстер», которым отец очень дорожил, однако, поколебавшись, от этой идеи я отказался. Красивые часы, страшно мне нравились, но не хотелось привлекать к себе внимание чересчур дорогой вещью. С практической точки зрения пластмассовых «Касио» с секундомером и будильником, которые я носил всегда, было вполне достаточно. Да и пользоваться ими куда удобнее. И я отправил «Ролекс» обратно в ящик.

Кроме того, забрал фотографию, на которой мы вдвоем со старшей сестрой, маленькие. Карточка тоже лежала в ящике стола. Нас снимали где-то на побережье – мы радостно смеемся. Сестра отвернулась, и половину ее лица закрывает густая тень. Из-за этого ее радостное лицо будто разделено пополам и напоминает маску из греческого театра – я такую в учебнике видел. В этом лице как бы двойной смысл. Свет и тень. Надежда и отчаяние. Смех и печаль. Вера и одиночество. А я наоборот – без всяких претензий пялюсь прямо в объектив. Кроме нас на берегу ни души. Сестра – в красном закрытом купальнике в цветочек. На мне страшноватые, растянутые синие трусы. В руке какая-то пластмассовая штука – то ли палка, то ли шест. Под ногами белая пена от набежавшей волны.

Интересно, где это нас сфотографировали? Когда? И кто? Почему у меня такая довольная физиономия? Из-за чего такая радость? И почему отец оставил только это фото? Сплошные загадки. На карточке мне года три, сестре, пожалуй, лет девять. Неужели мы так с ней дружили? Я совсем не

помню, чтобы мы всей семьей ездили на море. **Вообще не помню, чтобы мы куда-нибудь ездили.** Но как бы то ни было, я не собирался оставлять отцу эту старую фотографию и запихал ее в кошелек. А маминых снимков не осталось. Похоже, отец их выбросил, все до одного.

Немного подумав, я решил взять мобильник. Отец, наверное, увидит, что его нет, свяжется с телефонной компанией и заблокирует номер. Тогда толку от него не будет. Но я все равно сунул трубку в рюкзак, а следом за ним – и подзарядку. Все равно ничего не весят. Если отключат – выброшу.

В рюкзаке должно быть только самое необходимое. Труднее всего оказалось с одеждой. Сколько брать трусов, маек? Сколько свитеров? Рубашки, брюки, перчатки, шарф, шорты, куртка... И так до бесконечности. Одно ясно: мне совсем не улыбалось шататься по незнакомым местам, таская на себе кучу барахла и показывая всем своим видом, что я сбежал из дома. Сразу кто-нибудь внимание обратит. Возникнет полиция, и я опомниться не успею, как меня отправят обратно. А то еще местная шпана привяжется.

Не надо ехать туда, где холодно. Вот что! Это же как дважды два. В теплые края буду пробираться. Тогда и куртка не понадобится. И перчатки. Если не думать о холоде, одежды в половину меньше понадобится. Я отобрал что полегче, что легко стирать, быстро сохнет и много места не занимает. Слегка примял и запихал в рюкзак. Кроме одежды, уложил туда спальный мешок, выдавив из него воздух и сложив покомпактнее, простой набор умывальных принадлежностей, непромокаемую накидку на случай дождя, тетрадь и шариковую ручку, записывающий плеер «Сони» и с десяток минидисков к нему (как же без музыки-то!), запасные батарейки-аккумуляторы. Походные кружки-миски оставил – и тяжелые, и громоздкие. Еды можно купить в любом супермаркете. Я долго сражался со списком вещей – добавлял, потом выбрасывал. Опять дописывал и снова вычеркивал.

Если уходить из дома – то в день рождения. Когда стукнет пятнадцать. Самый подходящий момент. До этого – рановато, а потом, наверное, поздно.

Перейдя в среднюю школу[2], я, готовясь к этому дню, на два года всерьез занялся собой. В младших классах ходил на дзюдо и, став постарше, старался не бросать тренировок, хотя в школе ни в какие спортивные секции не записывался. Когда было время, бегал один по стадиону, плавал в бассейне, ходил в спортзал в нашем районе – качал мышцы. Там тренер, молодой парень, бесплатно учил меня делать растяжку, объяснял, как пользоваться тренажерами, как лучше укреплять разные мышцы. Какие мышцы у нас работают все время, а какие только на тренажерах можно развить. Научил правильно качать пресс. К счастью, у меня от природы рост приличный, а с ежедневными упражнениями стали шире плечи, раздалась грудь. Тем, кто не знал меня, вполне могло показаться, что мне лет семнадцать. Выгляди я на свои пятнадцать, вдали от дома мне наверняка пришлось бы тяжело.

Кроме тренера в спортзале, приходившей к нам через день домработницы, с которой мы обменивались парой слов, да одноклассников, без которых совсем нельзя было обойтись, я почти ни с кем не общался. С отцом мы уже давно не виделись. Жили под одной крышей, но в совершенно разных часовых поясах – он целыми днями торчал в своей студии бог знает где. Нечего и говорить, что я старался с ним не сталкиваться, и все время был настороже.

Учился я в частной школе, куда собирали в основном отпрысков семей с высоким положением или без него, зато с «толстым кошельком». В ней можно было без проблем дотянуть до школы высшей ступени, главное – не проколоться на чем-нибудь по-крупному. Все ученики как один – с ровными зубами, одеты с иголочки, а от их разговоров скулы сводит. В классе меня, конечно, не любили. Я окружил себя высокой стеной, за которую никого не пускал, да и сам старался за нее не высовываться. Такие люди никому не нравятся. Одноклассники меня остерегались и на всякий случай держались подальше. А может, я чем-то был им неприятен, или они меня боялись. И очень хорошо, что меня никто не трогал. И без них было чем заняться. Свободное время я просиживал в школьной библиотеке и глотал книги, одну за другой. Но на учебу меня тоже хватало – на уроках я слушал учителей во все уши. Делал так, как настойчиво советовал Ворона.

То, чему в школе учат, не больно пригодится в настоящей жизни. Это факт. Учителя ваши почти все – козлы. С этим все ясно. Но ведь ты же из дома собрался уходить. На новом месте тебе, скорее всего, будет не до учебы. Значит, нравится или нет, а надо впитывать все, чему вас там учат. Все подряд, без исключения. Как промокашка. Потом разберешься, что оставить, а что выбросить.

Я послушался его совета и, как всегда, принял к исполнению. Сосредоточившись, как губка впитывал каждое слово, что произносилось в классе. Тут же ловил смысл сказанного и запоминал. Поэтому на экзаменах я утирал нос всему классу, хотя после уроков о занятиях уже почти не вспоминал.

Мышцы мои будто наливались железом; я становился все неразговорчивее. Из всех сил старался, чтобы никто не мог по моему лицу прочесть, какое у меня настроение. Чтобы учителя не догадались, что в моей голове. Впереди – суровая взрослая жизнь, и выживать в ней придется в одиночку. Я должен стать круче всех.

Я разглядывал себя в зеркале, и в моих глазах отражался ледяной, как у ящерицы, блеск. Лицо становилось все жестче, резче. Я уже не помню, когда смеялся в последний раз. Я даже не улыбался. Ни другим, ни самому себе.

Но полностью изолироваться от мира не получалось. Иногда высокая стена, которой я закрывался от окружающих, рассыпалась в прах. Такое случалось не часто, но все-таки бывало. Оставаясь на какое-то время без этой стены, я будто выставлял себя голышом перед всем светом. Прямо-таки слетал с катушек в такие моменты. Впадал в **страшную** панику. И еще это Пророчество... Вечно стоит передо мной, как темная вода в колодце.

Пророчество, как тайная темная вода в колодце, всегда здесь, всегда рядом.

Обычно неслышно прячется где-то, но когда приходит время, беззвучно переливается через край, пропитывая холодом каждую клеточку тела. Это жестокое, не знающее жалости половодье захлестывает с головой, и начинаешь задыхаться. Крепко хватаешься за края вентиляционного люка под самым потолком в отчаянной надежде на глоток свежего воздуха. Однако воздух в вентиляции пересохший, обжигает горло. Противоположные, казалось бы, стихии – вода и жажда, холод и жар – объединились и одновременно атакуют.

Мир так огромен, а тебе нужно совсем мало, чтобы укрыться, – всего ничего, но и этого крошечного клочка пространства нигде нет. Ты жаждешь услышать живой голос, а вокруг мертвая тишина. Но когда хочется тишины, звучит, повторяясь раз за разом, это Пророчество. В нужный момент голос, который его произносит, будто нажимает спрятанный в твоей голове выключатель.

Твоя душа – как разбухшая от долгих дождей большая река. Поток поглотил все, что было на земле, не оставив ни знака, ни указателя, и несется куда-то в темноту. А дождь, не переставая, льет и льет над рекой. Каждый раз, видя такой потоп в новостях по телевизору, ты думаешь: «Да, все верно. Это моя душа».

Перед самым уходом, напоследок, я зашел в ванную, вымыл с мылом руки и лицо. Подстриг ногти, почистил уши и зубы. Не пожалел времени, чтобы привести себя в порядок. Иногда чистота важнее всего. Затем повернулся к зеркалу над раковиной и стал внимательно себя разглядывать. Лицо досталось мне в наследство от отца и от матери... хотя ее я совсем не помню. И сколько я ни пытался покончить с жившим на этом лице выражением, унять блеск в глазах, сколько ни накачивал мышцы – все равно с физиономией ничего нельзя было поделать. Я оказывался не в состоянии лишить себя длинных – отцовских, чьих же еще! – густых бровей, выпрямить залегшую между ними глубокую складку, как бы этого ни желал. Я мог убить отца, если бы захотел, – с моей силой это было бы

совсем не трудно. Вычеркнуть из памяти мать. Но гены-то никуда не денутся... И если бы я задумал от них избавиться, пришлось бы избавиться от самого себя.

Таким образом, во мне живет Пророчество. Это встроенный в меня механизм.

Это встроенный в тебя механизм.

Потушив свет, я вышел из ванной.

В доме тяжело повисла тишина. В ней – шепот не родившихся людей, дыхание тех, кто не живет. Я огляделся, замер и поглубже вдохнул. Начало четвертого. Часовым стрелкам на меня абсолютно наплевать. Делают вид, что сохраняют нейтралитет, но уж, конечно, не на моей они стороне. Все! Пора уходить. Я взял рюкзак, закинул за плечи. Сколько раз так делал, но никогда он не казался мне таким тяжелым.

Я решил двинуть на Сикоку. Так, без причины. Просто, разглядывая атлас, поймал себя на мысли, что ехать почему-то надо именно туда. Чем больше смотрел я на карту, тем сильнее притягивало меня это место. Сикоку гораздо южнее Токио, между островом и «большой землей»[\[3\]](#) – море. И еще там тепло. На Сикоку я никогда не был; там ни знакомых, ни родственников. Так что если кому-то вздумается меня искать (хотя вряд ли такой человек отыщется), Сикоку ему и в голову не придет.

Получив в окошке кассы бронированный билет, я сел в ночной автобус. Это самый дешевый способ добраться до Такамацу[\[4\]](#). Билет стоил чуть больше мана[\[5\]](#). Никто не обратил на меня внимания. Не спросил, сколько мне лет. Не заглянул в лицо. Кондуктор с деловым видом проверил билет и все.

Автобус был заполнен только на треть. Большинство пассажиров, как и я, путешествовали в одиночку, поэтому в салоне было непривычно тихо. Ехать до Такамацу очень долго – по расписанию около десяти часов. На месте должны быть рано утром. Но дорога меня не волновала. Чего-чего, а времени у меня сколько хочешь. В восемь часов автобус отъехал от терминала, я откинулся в кресле и сразу крепко заснул. Отключился, как батарейка, у которой кончился заряд.

Ближе к полуночи вдруг хлынул дождь. Время от времени я выныривал из придавившего меня сна и через щель между дешевыми занавесками глядел на утопавшее в ночи скоростное шоссе. Капли громко барабанили по стеклу, размывая световые пятна от фонарей, выстроившихся вдоль дороги. Фонари равномерно мелькали мимо, убегая неведомо куда, как деления шкалы, которую кто-то нанес на мир за окном автобуса. Вот приближается новый пучок света, а через мгновение он уже далеко позади. Посреди ночи, в первом часу, я проснулся. Так, автоматически, точно кто-то его подтолкнул сзади, наступил мой день рождения. Теперь мне пятнадцать лет.

– С днем рождения, – слышится голос Вороны.

– Спасибо, – благодарю я.

Но Пророчество по-прежнему следует за мной, как тень. Убедившись, что стена, которой я окружил себя, еще стоит, я задернул занавески и снова погрузился в сон.

Глава 2

Данный документ классифицирован Министерством обороны США и хранился под грифом «совершенно секретно». Предан гласности в 1986 году на основании Акта о свободе информации. В настоящее время с ним можно ознакомиться в Национальном управлении архивной документации (NARA) в Вашингтоне, округ Колумбия.

Настоящее расследование, протокол которого представлен, проведено по распоряжению майора Службы военной разведки сухопутных сил США (MIS)^[6] Джеймса П. Уоррена в марте-апреле 1946 г.

Расследование на месте происшествия в префектуре Яманаси, уезд ***, путем бесед с местными жителями вели младший лейтенант Роберт О'Коннор и старший сержант Гарольд Катаяма. Население опрашивал младший лейтенант Роберт О'Коннор. Переводчик японского языка – старший сержант Катаяма. Документы составлял рядовой первого класса Уильям Корн.

Беседы продолжались 12 дней. Они проходили в приемной муниципального управления города *** префектуры Яманаси.

Младшим лейтенантом О'Коннором по отдельности опрошены учительница народной школы *** города ***уезда ***, проживающий там же врач, двое полицейских из местного полицейского участка и шестеро детей.

Прилагаются карты местности в масштабе 1:10000 и 1:2000, составленные Бюро топографических исследований Министерства внутренних дел.

**Доклад службы военной разведки
сухопутных сил США**

12 мая 1946 года

**Название: «Инцидент у горы Рисовая Чашка,
1944 год. Отчет»**

Регистрационный номер:

PTYX-722-8936745– 42213-WWN

Ниже следует запись беседы с Сэцуко Окамоти (26 лет), бывшей во время происшествия классным руководителем 4-го «Б» класса народной школы * города ***. Беседа записывалась на магнитофонную ленту. Дополнительный регистрационный номер документа хранения: PTYX-722-SQ, стр. 118-122.**

Впечатления младшего лейтенанта Роберта О'Коннора, проводившего беседу:

«Сэцуко Окамоти – невысокая симпатичная женщина. Умна, обладает сильным чувством ответственности. На вопросы отвечала точно и откровенно. Однако в результате происшествия испытала сильный шок, от которого, как я заметил, до сих пор не оправилась. Иногда, вспоминая о случившемся, начинала сильно нервничать. Страдает также заторможенностью речи».

Времени было, наверное, начало одиннадцатого утра. Высоко в небе показалось что-то серебристое, блестящее. Яркое серебристое сияние. Так свет отражается от металлической поверхности. Да-да, можете не сомневаться. Сияние довольно долго перемещалось по небу с востока на запад. Мы подумали, что это летит «Б-29» или какой-нибудь другой самолет. Сияние оказалось уже прямо над нами. Чтобы его увидеть, приходилось высоко задирать голову. Небо было ясное, ни облачка, и свет от этого объекта был ослепительно ярким. Мы различали только серебристый блеск, как от дюралюминия.

Но высота была такая, что мы, как ни старались, не могли разглядеть, что это такое. Значит, нас сверху тоже не видно. Никакой опасности нет, можно не бояться, что с неба вдруг посыпятся бомбы. Какой смысл бомбить наши горы? Наверное, самолет летит, чтобы сбросить бомбы на какой-нибудь большой город, или уже возвращается обратно, подумала я. Поэтому, даже поняв, что над нами самолет, мы спокойно двинулись дальше. То есть мы не испугались. Скорее были изумлены, что от света может быть такая красота.

По данным военных, в то время, а именно: около 10 часов утра 7 ноября 1944 года, – в воздушном пространстве над этим районом американские бомбардировщики или какие-либо другие самолеты не пролетали.

Но ведь мы ясно его видели – и я, и шестнадцать ребяташек, что были со мной. Все подумали, что это «Б-29». Мы много раз видели «Б-29», сразу по несколько штук. Так высоко могут летать только «Б-29». В нашей префектуре раньше была маленькая авиабаза, поэтому иногда мы и японские самолеты видели. Но они все мелкие, и на такую высоту не поднимаются. И потом, дюралюминий как-то по-особому блестит. Не так, как другой металл. А «Б-29» как раз из него делают. Правда, самолет был всего один, я еще удивилась...

Вы где родились? Здесь?

Нет. Я из префектуры Хиросима. В 1941 –м вышла замуж и оказалась в этих местах. Муж здесь работал учителем музыки в средней школе. В 43-м его забрали в армию, а в июне 45-го, в сражении за остров Лусон, убили. Муж охранял склад с боеприпасами в пригороде Манилы. Я слышала, что склад накрыла американская артиллерия, боеприпасы взорвались, и он погиб. Детей у меня нет.

Сколько в тот день с вами было детей из вашего класса?

Всего шестнадцать. Весь класс, за исключением двоих заболевших. Восемь мальчиков и восемь девочек. Из них пятеро – эвакуированные. Из Токио.

В тот день у нас был урок природоведения. Мы взяли фляжки с водой, что-нибудь поесть и в девять часов вышли из школы. Одно название что «урок природоведения». Никаких особых занятий я не проводила. Главная цель была – подняться в горы, поискать грибы, какие-нибудь съедобные растения. Мы жили в сельской местности, и с продуктами было еще более-менее, но еды все-таки не хватало. Много продовольствия реквизировали власти, и люди, за редким исключением, хронически недоедали.

Поэтому, когда дети искали что-нибудь съестное, мы это поощряли. Тяжелое время было. Тут уж не до учебы. «Уроки природоведения» тогда часто проводили. Места вокруг нашей школы замечательные, самые подходящие для таких уроков. В этом смысле нам повезло. Городские ведь все голодали. Снабжение с Тайваня и материка уже окончательно отрезали, и в городах продовольствие и топливо были в страшном дефиците.

Вы сказали, что в вашем классе были пятеро детей, эвакуированных из Токио? Ладили они с местными ребятами?

В моем классе в общем-то все было в порядке. Конечно, деревня и центр Токио... условия воспитания разные. И словечки другие, и одежда. Большинство наших детей – из бедных крестьянских семей, а у токийцев почти у всех родители – или чиновники, или служили в фирмах. Нельзя сказать, что дети понимали друг друга.

Особенно вначале – эти две группы никак не могли найти общий язык. Ссоры? Драки? Нет, этого не было. Просто не понимали друг друга. И общались только между собой. Но через пару месяцев попривыкли. Когда дети увлекаются и начинают играть вместе, разница в культуре, в условиях довольно быстро исчезает.

Расскажите подробнее о месте, куда вы водили в тот день ваших учеников.

Мы довольно часто ходили на эту гору. Она такая круглая, вроде перевернутой чашки для риса. Мы так ее и прозвали – Рисовая Чашка. И не очень крутая – каждый может на нее взобраться. От школы надо взять к западу. До самого верха детским шагом часа два. По дороге искали грибы, останавливались перекусить. Дети «урокам природоведения» всегда радовались. Они им куда больше нравились, чем занятия в классе.

Этот блестящий предмет, похожий на самолет, пролетевший высоко в небе, заставил нас вспомнить о войне – но всего на минутку. Настроение у всех прекрасное. Мы были счастливы. Безоблачная, безветренная погода;

в горах тихо – только птицы поют. Идешь и думаешь, что война где-то далеко, в другой стране и не имеет к нам никакого отношения. Мы с песнями шагали по горной дороге. Пересвистывались с птицами. Не будь войны, это было бы замечательное, скажу даже – потрясающее утро.

Заметив объект, который вы приняли за самолет, вы вошли в лес, не так ли?

Да. Минут через пять после того, как увидели самолет. А может, и меньше. По пути свернули с дороги, что вела наверх, и пошли по склону, по тропинке. Подъем стал круче. Минут через десять мы вышли из леса на поляну, довольно большую и ровную, как стол. В лесу было тихо, солнечные лучи с трудом пробивались сквозь листву, в воздухе стояла прохлада, и только на этой поляне, как на маленькой площади, над головой открывалось ясное небо. Наш класс часто бывал там, когда поднимался на Рисовую Чашку. Мы чувствовали себя на этом месте спокойно, ближе друг к другу.

На «площади» решили передохнуть. Положив на землю вещи, дети разделились по три-четыре человека и стали искать грибы. Раньше я установила правило: нельзя терять друг друга из виду. В то утро я собрала ребят и еще раз им об этом напомнила. Место хоть и хорошо знакомо, но все-таки лес, и если кто-нибудь заблудится – хлопот не оберешься. Но дети есть дети. Могут так увлечься, что о любом правиле забудут. Поэтому, пока мы собирали грибы, я не спускала с ребят глаз.

Падать ребята стали спустя примерно десять минут. Когда я увидела, как сразу трое повалились на землю, первая мысль была: «Грибы! Отравились!» В этих местах растет много страшно ядовитых грибов, от которых можно умереть. Дети в грибах-то разбирались, но ведь попадают и такие, что не поймешь, хороший или плохой. Поэтому я им говорила, чтобы ни в коем случае не брали ничего в рот, пока мы не вернемся с грибами в школу и не покажем человеку, который точно скажет, можно их

есть или нет. Но ведь дети не всегда слушают, что им говорят.

Я кинулась к упавшим ребятам, стала поднимать. Их тела обмякли, сделались как резина на солнце. Из них ушли все силы, до последней капли. Не тела, а оболочки. Однако дышали все нормально. Пощупала запястья – пульс тоже в норме. Жара нет, лица спокойные, никаких признаков боли или страдания. Может, их пчелы покусали? Или ужалила змея? Тоже не похоже. Но все были без сознания.

Самое непонятное творилось с глазами. Дети как бы в коме, а глаза у них открыты. Глядят обычно. Моргают. Нет, это не сон. Глаза медленно двигались, ходили влево-вправо, будто перед ними открывалась далекая панорама. В них жило сознание, хотя они ничего не видели. По крайней мере, вблизи. Я поводила рукой – никакой реакции.

Я поднимала их, но у всех троих было одно и то же: без сознания, глаза открыты и двигаются туда-сюда. Какой-то бред.

Кто они были? Те, которые упали первыми?

Три девочки. Очень дружили между собой. Я стала громко звать их по именам, хлопать по щекам. Довольно сильно. Бесполезно. Они ничего не чувствовали. Моя ладонь как бы ударялась о тугую оболочку, под которой пустота. Такое странное ощущение...

Надо бы послать кого-нибудь в школу, мелькнуло в голове. Бегом. Троих, да еще когда они без сознания, одна я не дотащу. Стала искать глазами мальчика, который у нас бегал быстрее всех. Поднялась, огляделась и увидела, что все остальные дети тоже лежат на земле. Все шестнадцать – без сознания. Все, кроме меня. Прямо как на войне.

А вы не заметили тогда чего-то необычного? Например, запаха, или, может, звук какой-то был, световая вспышка?

(Подумав.) Нет. Я уже говорила: вокруг было так тихо. Мирная жизнь. И ничего такого – ни звуков, ни света, ни запаха. А все мои ученики лежат. В тот момент мне показалось, что на всем свете я одна осталась. Жуткое одиночество. Ни с чем не сравнимое. Хотелось, ни о чем не думая, взять и раствориться в пустоте. Но это же мой класс, я за него отвечаю. Тут же взяв себя в руки, я со всех ног бросилась вниз по склону к школе – за помощью.

Глава 3

Я проснулся, когда стало светать. Отодвинув шторку, посмотрел в окно. Дождь хоть и перестал, но за окном все почернело от сырости и сочилось водой. Казалось, потопу не будет конца. С востока по небу плыли тучи с четкими контурами, обведенными световой каймой. По цвету картинка получалась какая-то зловещая и в то же время чем-то притягивала к себе, завораживала. Стоило посмотреть на тучи под другим углом, и рисунок на небе тут же менялся.

Автобус катил по шоссе, не меняя скорости. Все на той же ноте – не выше и не ниже – шипели шины по асфальту. На одних и тех же оборотах работал двигатель. Этот монотонный гул, словно жерновами, перемалывал в однородную массу время, а заодно и людское сознание. Другие пассажиры крепко спали, отгородившись от мира занавесками и съездившись в своих креслах. Бодрствовали только я и водитель. Мы уверенно, сами того не замечая, приближались к месту назначения.

Захотелось пить. Я вытянул из кармана рюкзака бутылку минералки и сделал несколько глотков тепловатой воды. В том же кармане лежала пачка крекеров. Я сжевал несколько штук, они оказались сухими и приятными на вкус. На часах – 4:32. Для верности посмотрел еще на число и день недели. Цифры говорили, что прошло почти тринадцать часов, как я вышел из дома. Время идет своим чередом – не торопясь и не поворачивая вспять. Сегодня мой день рождения. Первый день новой жизни. Я зажмурился, открыл глаза и еще раз взглянул на часы. Включил лампочку и уткнулся в книжку.

В начале шестого автобус неожиданно съехал с шоссе и замер на просторной стоянке в зоне обслуживания. С шипением открылась передняя дверь, в салоне зажегся свет и раздался голос водителя:

– Доброе утро, уважаемые пассажиры! Наше утомительное путешествие

приближается к концу. Мы следуем по расписанию, и уже через час автобус прибудет на конечную остановку у железнодорожного вокзала Такамацу. Перед этим сделаем двадцатиминутный перерыв. Отправление в пять тридцать. Прошу к этому времени быть на своих местах.

После этого короткого объявления почти все пассажиры проснулись и стали молча подниматься с кресел. Люди зевали и с недовольным видом выбирались из автобуса. Многие, кто ехал в Такамацу, пользовались остановкой, чтобы привести себя в порядок. Я тоже вышел, сделал несколько глубоких вдохов, потянулся, размялся на свежем воздухе. Умылся в туалете. Ну и куда же меня занесло? Я прошелся немного, огляделся по сторонам. Ничего особенного. Типичный пейзаж. Все как на любой дороге. Правда, горы вроде какие-то не такие, как в Токио. У деревьев и кустов цвет не тот. Хотя, может, показалось.

В кафетерии бесплатно давали горячий зеленый чай. Только я пристроился со своим стаканчиком, как рядом на пластмассовый стул уселась какая-то девица. В правой руке у нее был такой же бумажный стаканчик, но с кофе, который она только что купила в автомате. От жидкости поднимался парок. В левой руке – маленькая коробка с сэндвичами. Тоже явно из автомата.

Девица, по правде сказать, была странная. Какая-то неуклюжая, как ни посмотри. Широкий лоб, носик пуговкой, все щеки в веснушках. Уши торчком. Лицо такое, что мимо не пройдешь – обязательно оглянешься. Нелепая какая-то физиономия. И тем не менее, общее впечатление девчонка оставляла вполне приличное. Вряд ли она была довольна своей внешностью, но, видимо, привыкла и уже не комплексовала. А это уже много. Что-то детское в ней было, и от этого становилось спокойно. Мне, во всяком случае. Невысокого роста, стройная, тонкая, грудь довольно большая. Ноги красивые.

В ушах у нее поблескивали сережки из какого-то металла, вроде дюралюминия. Волосы до плеч, крашенные – темно-каштановые, в рыжину. Водолазка в широкую продольную полоску. На плече кожаный рюкзачок. Тонкий летний свитер накинут на плечи, рукава завязаны на шее. Кремовая хлопчатая мини-юбка; ноги голые, без чулок. Она, видно, умывалась в туалете – к широкому лбу, как засохшие корешки, прилипла прядка волос. Почему-то меня это тронуло.

– Ты из того автобуса? – спросила девица. Голос у нее был хрипловатый.

– Угу.

– Сколько тебе лет? – Нахмурившись, она глотнула кофе.

– Семнадцать, – соврал я.

– Школу скоро заканчиваешь? Я кивнул.

– Куда едешь?

– В Такамацу.

– Надо же! Я тоже, – сказала она. – Просто так или живешь там?

– Просто так.

– И я. У меня в Такамацу подруга хорошая. А у тебя?

– Родственники.

Девица понимающе кивнула и больше вопросов не задавала.

– Моему младшему брату почти сколько тебе, – неожиданно, будто вспомнив, заявила она. – Мы с ним давно не виделись. Так получилось... И еще – ты очень на этого похож... как его? Тебе никто не говорил?

– На кого – **на этого?**

– Ну как его?.. Певец-то... Группа такая есть... Я тебя как в автобусе увидела, сразу подумала. Имя из головы вылетело. Думала, думала, все мозги наизнанку вывернула – и без толку. Бывает ведь так, скажи? Вертится в голове, а никак не вспомнишь. Тебе что, не говорили раньше, что ты на него похож?

Я покачал головой. Никто ничего мне такого не говорил. А девица, прищурившись, все смотрела на меня.

– Кого ты все-таки имеешь в виду? – попробовал помочь ей я.

– Я по телевизору его видела.

– По телевизору?

– Ага! Он по телевизору выступал. – Она взяла сэндвич с ветчиной и принялась тупо жевать. Глотнула еще кофе. – С какой-то группой пел. Ну надо же! Как группа называется, тоже не помню. Высокий такой, худой. На кансайском диалекте говорит. Ну что? Не вспомнил?

– Понятия не имею. Я телевизор не смотрю.

Девушка скорчила рожицу и уставилась на меня:

– Как не смотришь? Совсем?

Я молча покачал головой. Или, может, кивнуть надо? Кивнул.

– Из тебя слова клещами не вытянешь. Ты всегда такой?

Я покраснел. От природы неразговорчивый – вот мало и говорю. Но была и другая причина. У меня еще не сформировался голос. Вообще-то он уже был почти нормальный, но иногда вдруг ни с того ни с сего срывался. Вот я и старался не растекаться мыслями.

– Ладно. Нет так нет, – продолжала девушка. – Но ты здорово похож на того... ну, который поет и говорит, точно в Кансае родился. У тебя, конечно, этого диалекта нет. Просто, как бы это сказать... Уж больно похоже. А вообще, ты неплохой парень. Вот и все.

На ее лице мелькнула улыбка. Будто отлучилась куда-то на минутку и тут же вернулась обратно. А я так и сидел, красный как рак.

– Тебе бы прическу изменить – еще больше стал бы на него смахивать. Волосы надо немного подлиннее, наверх малость зачесать и лаком закрепить, чтоб держались. Я бы прямо тут все сделала. Так бы классно было! Я же в косметическом салоне работаю.

Кивнув еще раз, я приложился к чашке с чаем. В кафетерии было очень тихо. Ни музыки, ни разговоров.

– Не любишь, значит, разговаривать? – спросила девица с серьезным видом, подперев щеку рукой.

Я покачал головой:

– Да нет.

– Стесняешься, что ли?

Я снова покачал головой.

Девица взяла еще один сэндвич. Оказалось – с клубничным джемом. Она как-то недоверчиво нахмурилась.

– Может, съешь, а? Больше всего на свете ненавижу сэндвичи с клубничным джемом. С детства.

Я взял сэндвич. С клубничным джемом эти штуки мне тоже совсем не нравятся, но все же я его съел – и слова не сказал. Через стол девица внимательно следила за процессом до самого конца.

– У меня к тебе просьба, – проговорила она.

– Какая?

– Можно, до Такамацу я с тобой посижу? А то одной как-то не очень... Всю дорогу казалось: вот сейчас какой-нибудь ненормальный рядом пристроится. Поспать как следует не получилось. Билет покупала – говорили: все по одному будут сидеть, а выходит – по двое. Может, подремлю хоть немножко до Такамацу. Ты вроде на психа не похож. Не возражаешь?

– Нет.

– Спасибо, – сказала она. – Как говорится: «В дороге нужен попутчик...»

Я снова кивнул. Ну сколько можно головой трясти? – подумал я. А что еще было делать?

– Как там дальше-то?..

– Дальше?

– Ну, «в дороге – попутчик...» А дальше? Эх, не помню! У меня с родным языком все время проблемы.

– «В дороге нужен попутчик, в жизни – сочувствие», – сказал я.

– «В дороге нужен попутчик, в жизни – сочувствие», – повторила она, точно хотела убедиться, что все правильно. Были бы карандаш и бумага, наверное, записала бы за мной. – А что это значит? Если по-простому?

Я задумался. Время шло, но девица все ждала, что я отвечу.

– Ну, встретились люди в дороге. Случайно... И выходит, что от такой встречи может довольно много зависеть. Настроение и так далее... По-моему, так. Если коротко.

Подумав, она сложила руки на столе.

– Точно! Случайные встречи здорово на настроение влияют. Я тоже так думаю.

Я посмотрел на часы. Уже полшестого.

– Ну что? Пошли обратно?

– Угу. Идем, – согласилась она, но встать и не подумала.

– Интересно, что это за место? – спросил я.

– И правда, – подхватила девица и, вытянув шею, посмотрела по сторонам. Сережки в ее ушах закачались, как спелые плоды на дереве. – Я сама не знаю. Кажется, Курасики [\[7\]](#) скоро. Хотя какая разница? Стоянка на шоссе. Просто попалась по пути из пункта А в пункт Б. – Она отмерила в воздухе указательными пальцами расстояние – сантиметров тридцать. – Какая разница, как место называется? Туалет, кафешка. Лампы дневного света, стулья из пластика. Кофе – дрянь. Сэндвич с клубничным джемом. Ерунда все это. Никакого значения не имеет. А важно, откуда мы едем и куда. Скажешь, не так?

Я кивнул. Потом еще. И еще.

В автобусе все уже были в сборе и с нетерпением ждали отправления. Водитель – молодой парень с суровым взглядом – больше походил на шлюзного пристава. Он осуждающе посмотрел на нас, упрекая за опоздание, но ничего не сказал. Девушка улыбнулась ему с безобидным видом, как бы прося прощения. Водитель повернул тумблер. Зашипел сжатый воздух, и дверь закрылась. Девушка перебралась ко мне на соседнее место и перетаскала с собой невзрачный чемоданчик. Видимо, на распродаже купила. Чемоданчик оказался для своих размеров довольно увесистым. Я поднял его и запихал на полку над головой. Девушка, поблагодарив меня, упала на сиденье и тут же вырубилась. Автобус рванул с места, словно заждался. Я достал из кармана книжку и стал читать дальше.

Моя попутчица спала мертвым сном и, чтобы не трясло на поворотах, положила голову мне на плечо. Так и ехали. Рот у нее был закрыт, она тихонько посапывала. Плечом я ощущал ее размеренное дыхание. Ворот у нее сбился, и выглядывала бретелька лифчика. Тонкая, телесного цвета. Я представил, какое нежное у нее белье. Какая грудь. Представил, как касаюсь пальцами ее отвердевших розовых сосков. Не то чтобы я этого хотел. Ну а как иначе? У меня, конечно, тут же встал. Да так, что я и сам удивился: с чего это? Поразительно, как это часть тела может вдруг сделаться такой твердой.

И тут я вдруг подумал: а что если это моя старшая сестра? Лет ей примерно столько же. На сестру с фотографии не очень похожа, но по карточке разве точно поймешь? Иногда такие рожи получаются – ни за что не узнаешь. Она сказала, что у нее младший брат, как я, и они давно не виделись. Вполне может быть, что я этот самый брат и есть.

Я покосился на ее грудь. Пухлые округлые бугорки медленно поднимались и опускались в такт дыханию, напоминая морские волны. Я представил, что передо мной действительно простирается водная гладь, на которую неслышно выливаются потоки дождя. Я – одинокий мореплаватель на палубе, она – море. Пепельное, без всякого просвета небо далеко впереди

сливается с таким же пепельным морем. И никак не отличишь, где море, а где небо. Не разберешь, где мореплаватель, а где само это море. И так же трудно провести грань между реальностью и движениями души.

На ее руке я заметил два колечка. Не типа обручальных или тех, что дарят на помолвку, а из самых дешевых, купленных в универмаге, в том отделе, где торгуют всякой мелочевкой для юных модниц. Пальцы у нее были хоть и тонкие, но длинные, прямые и, как мне показалось, сильные. Ногти в полном порядке – коротко острижены, с бледно-розовым лаком. Ее рука чуть касалась колена. Мне хотелось дотронуться до этих пальцев, но делать этого я, конечно, не стал. Девушка спала, как маленький ребенок. Между прядями волос, как грибы в траве, виднелись уши. Они показались мне удивительно беззащитными.

Я закрыл книгу и перевел взгляд на пробежавший за окном пейзаж. Смотрел, смотрел и не заметил, как сам уснул.

Глава 4

Доклад службы военной разведки сухопутных сил США

12 мая 1946 года

**НАЗВАНИЕ: «Инцидент у горы Рисовая Чашка,
1944 год. Отчет»**

Регистрационный номер:

РТУХ-722-8936745– 42216-WWN

**Ниже следует запись беседы с Накадзавой Дзюити (53 года),
занимавшимся во время происшествия терапевтической практикой в
городе ***. Беседа записывалась на магнитофонную ленту.
Дополнительный регистрационный номер документа хранения:
РТУХ-722-SQ, стр. 162-183.**

**Впечатления младшего лейтенанта Роберта О'Коннора, проводившего
беседу:**

**«Доктор Накадзава – крупного телосложения, загорелый, больше
похож на деревенского старосту, чем на врача. Спокоен, уравновешен;
язык образный и лаконичный. Откровенен – творит, что думает.
Острый взгляд из-под очков. Судя по всему, обладает хорошей
памятью».**

Итак, 7 ноября 1944 года, в начале двенадцатого мне позвонил завуч городской народной школы. Я давно числился у них кем-то вроде внештатного врача, поэтому со мной связались в первую очередь. Завуч был страшно взволнован.

По его словам, один класс в полном составе отправился за грибами, и там все потеряли сознание. Вроде как полностью отключились. Все, кроме классной руководительницы. Она в одиночку спустилась с горы и только что прибежала в школу за помощью. Но учительница в таком состоянии, что расспрашивать ее бесполезно, все равно ничего не поймешь. Ясно одно: шестнадцать ребят упали в обморок и остались на горе.

Грибы – вот первое, о чем я подумал. Раз пошли за грибами, значит, могли отравиться. Не дай бог паралич нервной системы! У каждого ядовитого гриба свои особенности. В зависимости от них и меры принимать надо. Что можно сделать прежде всего? Вызвать рвоту, чтобы очистить желудок, промыть его. Но если яд сильный и уже всосался, это ничего не даст. В нашем районе каждый год от отравления грибами по несколько человек умирали.

Я тут же побросал в саквояж лекарства, которые могли понадобиться в первую очередь, сел на велосипед и помчался в школу. Там уже ждали два полицейских, которым сообщили о происшествии. Детей, если они без сознания, надо как-то доставить в городок, а для этого нужны люди. Но шла война, почти всю молодежь мобилизовали. Кроме полицейских и меня собрались еще один учитель, уже в годах, завуч, директор школы, школьный вахтер, да еще классная руководительница, совсем молодая девушка. В таком составе мы и направились к той самой горе. Велосипедов не всем хватило, так что кому-то пришлось ехать вдвоем.

И во сколько вы добрались до леса, на место происшествия?

Как только мы туда прибыли, я посмотрел на часы, так что запомнил точно. 11:55. До места, откуда начинался подъем, ехали на велосипедах, а

дальше – со всех ног по горной дороге на своих двоих.

На месте мы увидели, что кто-то из детей уже немного пришел в себя. Сколько? Трое... четверо... что-то в этом роде. Они еще были как в тумане, поэтому на ноги встать не могли и, шатаясь, пытались подняться, опираясь руками о землю. Остальные по-прежнему лежали на земле, но к некоторым, похоже, сознание постепенно возвращалось – они начинали медленно шевелиться, совсем как большие жуки. Зрелище совершенно дикое!.. Удивительно ровная открытая площадка, будто специально вырубленная в лесу, залита ярким осенним солнцем. И на ней в разных позах – шестнадцать ребятишек. Кто-то шевелится, кто-то лежит без движения. Мне это напомнило сцену из авангардистского театрального спектакля.

Я забыл, что я врач, забыл о том, что должен делать, дыхание перехватило, я словно окаменел. И не я один. Все, кто был со мной, на какое-то время так или иначе впали в ступор. Мне даже показалось, как ни странно это звучит, что по какой-то ошибке нам открылась картина, которую обычный человек не должен видеть. Время было военное, поэтому даже в деревне мы, врачи, готовились ко всяким критическим ситуациям. Я – частица своего народа и должен хладнокровно исполнять свой долг, что бы ни случилось. Но я буквально застыл на месте от увиденного.

Все же я быстро взял себя в руки и приподнял одну девочку. Она была как тряпичная кукла – из нее будто все силы выкачали. Дыхание нормальное, хоть сама и без сознания. Глаза открыты как обычно, куда-то смотрят, двигаются влево-вправо. Достав из саквояжа маленький фонарик, я посветил ей в зрачки. Никакой реакции. Глаза жили, что-то видели, однако на свет не реагировали. Непонятно. Я проверил еще несколько Детей и получил тот же результат.

Тогда я стал измерять пульс и температуру. Пульс в норме – порядка пятидесяти-пятидесяти пяти ударов. Температура, помню, у всех была тридцать шесть с чем-то. Или примерно тридцать пять с половиной? Да, у детей в этом возрасте пульс бывает замедленный, а температура ниже чуть не на целый градус. Никакого запаха изо рта. Горло и язык тоже в порядке.

В общем, на первый взгляд признаков пищевого отравления я не обнаружил. Рвоты ни у кого не было. Ни расстройства желудка, ни болей.

Если человек отравился, через какое-то время у него обязательно проявится хотя бы один из этих трех симптомов. Убедившись, что это не отравление, я сразу вздохнул с облегчением. Но что же все-таки произошло?

Симптомы напоминали солнечный удар. Летом с детьми так часто бывает. Упадет один – смотришь, и другие следом валятся. Как заразная болезнь. Но ведь стоял ноябрь. Да еще прохладно, лес кругом. Ну один-двое – куда ни шло, но чтобы сразу у всех шестнадцати солнечный удар... Такого просто не могло быть.

Газ! Вот следующее, о чем я подумал. Отравляющий газ, похоже, нервно-паралитический. Природный или искусственный... Но откуда ему взяться здесь, в безлюдном лесу? Однако если предположить, что это газ, тогда все логически объяснимо. Дети вдыхали его вместе с воздухом, и с ними случился обморок. А на классную руководительницу, взрослого человека, он не подействовал – концентрация не та оказалась.

Ну хорошо! Чем же им помочь? Я совершенно растерялся. Простой сельский врач, что мог я знать о специальных отравляющих газах! Что делать? С горы специалистам не позвонишь, не посоветуешься. Правда, к кое-кому из детей сознание вроде бы постепенно возвращалось. Может, подождать и все само собой восстановится? Перспектива радужная, но, по правде сказать, ничего более подходящего в голову не приходило. Я решил ребят больше не тормозить и стал наблюдать, что будет дальше.

Как вам показался воздух? Вы ничего необычного не почувствовали?

Я тоже об этом подумал и, когда мы добрались до места, специально сделал несколько глубоких вдохов. Но воздух был самый обыкновенный – пахло зеленью и свежестью, как всегда в горах в лесу. С цветами тоже ничего не произошло, они не поникли, не поблекли.

Я проверил грибы, которые насобирали дети. Их было немного – видно, ребята только начали, когда с ними это случилось. Грибы все были

хорошие, съедобные. Я уже давно в этих местах, поэтому в грибах разбираюсь. Но в тот раз, само собой, я был особенно внимателен: захватил их с собой и потом показал человеку, который о грибах знал все. Я не ошибся: грибы оказались нормальные, неядовитые.

Дети были без сознания. Вы сказали, что у них глаза как-то двигались. А еще какие-нибудь отклонения вы обнаружили? Симптомы, реакции?.. Может, расширенные зрачки? Или белки, не того цвета были? Или мигали не так?

Нет-нет. Глаза действительно ходили туда-сюда, как прожектор, но и только. В остальном все было в норме. Дети что-то видели. Точнее сказать, они не видели того, что видели мы, но зато видели нечто такое, чего мы не видели. Скорее даже не видели, а могли наблюдать. Вот такое у меня впечатление. Лица ничего не выражали, но казались очень спокойными. На них не было ни боли, ни испуга. Потому я и решил оставить их в покое и посмотреть, как пойдет дальше. Ребята не мучились. Вот я и подумал: может, какое-то время не делать ничего?

Об этой версии с газом говорил кто-нибудь?

Говорили. Хотя для всех, как и для меня, то, что произошло, было полной загадкой. Я ни разу не слышал, чтобы в наших краях кто-то пошел в горы и отравился газом. Но тут завуч, кажется, – точно, он – заявил: «А может, это американцы? Может, они бомбу с отравляющим газом сбросили?» Тогда классная руководительница сказала, что перед тем, как подниматься в юру, видела в небе самолет, вроде «Б-29». Как раз над горой пролетал. И все сразу заговорили, что, дескать, верно, так оно и есть: Америка испытала

бомбу с отравляющим газом. У нас в округе ходили слухи, что американцы изобрели какую-то новую бомбу. Никто, естественно, не мог понять, зачем понадобилось сбрасывать ее в такой глуши, но ведь ошибки тоже бывают. Никто не знает, что может случиться.

Значит, мало-помалу дети сами приходили в себя?

Совершенно верно. У меня прямо камень с души свалился. Они зашевелились, пошатываясь стали подниматься на ноги; постепенно к ним возвращалось сознание. На боль никто не жаловался. Дети словно просыпались после глубокого сна, очень тихо. Вместе с сознанием нормальной жизнью начали жить глаза. Зрачки на свет фонарика уже реагировали как обычно. Но нам пришлось еще подождать, прежде чем ребята смогли что-то сказать. Они были как сонные мухи.

Мы стали расспрашивать одного за другим, просили рассказать, что с ними случилось. Но дети только рассеянно смотрели на нас, будто сами себя не помнили. Как поднимались на гору и начинали искать грибы, память еще зафиксировала, но дальше – полный провал. Они даже не представляли, сколько прошло времени. Им казалось: только что они занялись грибами, как вдруг будто занавес упал, и в следующий миг они уже лежат на земле и вокруг толпятся взрослые. Дети никак не могли понять, почему у нас такие серьезные лица и вообще из-за чего такой шум. Похоже, наше присутствие их даже испугало.

И только один мальчик – из тех, кого эвакуировали из Токио, – все не мог очнуться. Его звали Сатору Наката. Да, точно – Сатору Наката. Маленький такой, худенький. Сознание никак не хотело к нему возвращаться. Он лежал и все водил глазами из стороны в сторону. Мы спустили его с горы на руках. Остальные дети шли сами, будто ничего и не случилось.

Выходит, за исключением этого паренька, Накаты, у остальных все обошлось без последствий?

Именно так. Никаких видимых последствий я не обнаружил. На боли, недомогание никто не жаловался. Вернувшись в школу, я прежде всего внимательнейшим образом осмотрел детей – вызывал по очереди в медкабинет и проверял все, что можно: измерял температуру, прослушивал стетоскопом сердце, проверял зрение. Заставлял их решать простые примеры, стоять с закрытыми глазами на одной ноге. Но все функции были в норме. Повышенной утомляемости я тоже не нашел. На аппетит никто не жаловался. Все остались без обеда и потому сильно проголодались. Рисовые колобки смели подчистую.

Этот случай не давал мне покоя, поэтому я еще несколько дней заходил в школу понаблюдать детей. Приглашал кого-то в медкабинет, чтобы немного поговорить, но ничего страшного не заметил. Они два часа пролежали на горе без сознания – случай далеко неординарный – и абсолютно никаких последствий, ни для психики, ни для физического состояния. Школьники, похоже, даже не помнили, что с ними приключилось. Все вернулось на круги своя, и жизнь спокойно потекла дальше. Дети ходили на занятия, пели песни, на переменах носились радостно по школьному двору. И только классная руководительница после этого случая долго не могла оправиться от шока.

А тот мальчик, Наката, – он один так и не пришел в сознание, и на следующий день его отвезли в город Кофу, в университетскую больницу, а оттуда сразу перевели в военный госпиталь. В наш городок он больше не вернулся. Что с ним стало, – мы так и не узнали.

Об этом случае ни одна газета не написала. Наверное, власти не разрешили, чтобы людей не будоражить. Шла война, и любые непроверенные слухи вызывали у военного командования страшную нервозность. Ситуация на фронтах становилась все тяжелее: на юге армия сражалась героически, но продолжала отступать, американцы все ожесточеннее бомбили города. Немудрено, что накапливавшаяся усталость от войны, распространение в народе антивоенных настроений вызывали страху командования. Через

несколько дней объезжавший округу полицейский чиновник строго предупредил, чтобы мы без нужды не распространялись о происшествии.

Этот поистине необъяснимый случай так или иначе оставил горький осадок. Честно говоря, у меня начинает щемить в груди, когда я о нем вспоминаю.

Глава 5

Я так и не увидел, как автобус проезжает по мосту через Сэто Найкай[8]. Проспал. А так хотелось посмотреть эту громадину, ведь я этот мост только на карте видел. Кто-то легонько тряхнул меня за плечо.

– Эй! Приехали. Просыпайся, – услышал я голос своей попутчицы.

Потянувшись в кресле, я тыльной стороной руки протер глаза и посмотрел в окно. Автобус действительно стоял на площади – видимо, привокзальной. Все вокруг было залито светом нового утра, ослепительно ярким и в то же время каким-то умиротворяющим. В Токио солнце светит немного иначе. Часы показывали 6:32.

– Ну наконец-то, – устало проговорила она. – Уж думала, никогда не доедем. Что теперь со спиной будет? И шея болит. Ни за что больше не поеду ночным автобусом. Лучше на самолете. Наплевать, что дороже. Воздушные ямы, угонщики – это все равно: только на самолете.

Я снял с верхней полки ее чемоданчик и свой рюкзак и спросил:

– Тебя как зовут?

– Меня?

– Ага.

– Сакура. А тебя?

– Кафка Тамура.

– Кафка Тамура, – повторила она. – Странное какое имя. Хотя легко запомнить.

Я кивнул. Стать другим человеком непросто. Не то что имя сменить.

Выйдя из автобуса, девушка поставила чемодан на землю, села на него и достала из кармашка маленького рюкзака записную книжку. Записала что-то шариковой ручкой, вырвала листок и протянула мне. На листке были цифры, как я понял – номер телефона.

– Мой мобильник, – сказала, нахмурившись, она. – Я буду жить у подруги. Захочешь потусоваться – звони. Может, перекусим вместе. Звони, не бойся. Как говорится, «даже случайная встреча...»

– «...связана с кармой прошлой жизни», – закончил я.

– Вот-вот, – сказала Сакура. – И что же это значит?

– В мире все предопределено... Случайностей не бывает, даже в мелочах.

Сидя на своем желтом чемодане с записной книжкой в руке, она задумалась.

– О'кей. Это все философия. Можно и так думать. Может, ничего плохого в этом и нет. Хотя все эти разговоры про реинкарнацию... от них «ню-эйджем» малость отдает. Но имей в виду, дружок Кафка Тамура. Я кому попало номер мобильного не даю. Понял?

Я сказал спасибо и, сложив листок с ее телефоном, спрятал его в карман ветровки. Потом передумал и переложил в бумажник.

– Ты сколько в Такамацу пробудешь? – спросила Сакура.

– Пока не знаю. Как получится.

Слегка наклонив голову набок, Сакура пристально посмотрела на меня с таким видом, будто хотела сказать: «Ну и ладно». Потом села в такси, махнула мне рукой и укатила. Я снова остался один. Сакура... Значит, она не моя сестра. Хотя имя сменить – дело нехитрое. Особенно если человек хочет от кого-то скрыться.

Я заранее забронировал в Такамацу бизнес-отель. В Токио позвонил в Ассоциацию молодых христиан, и там мне посоветовали эту гостиницу. Через Ассоциацию получилось дешево, но скидка действовала всего трое суток. А дальше уже надо платить по полной.

Если заняться экономией, думал я, то можно переночевать на скамейке у вокзала. На улице не холодно, поэтому можно и в каком-нибудь парке улечься. Спальный мешок есть. Но нарвешься в таком месте на полицейского – потребует удостоверение личности. Мне этого меньше всего хотелось. Поэтому на первые три ночи я забронировал гостиницу. А дальше посмотрим, что будет.

У вокзала я заглянул в первую попавшуюся удонья[9], чтобы подкрепиться. Я родился и вырос в Токио и удон ел редко. Но такого, что подавали в той закусочной, никогда не пробовал. Лапша была что надо – упругая, свежая, бульон душистый. И на удивление дешево. Просто объедение, я две порции умял. Давно так не наедался. Много ли человеку для счастья нужно? Я вышел на привокзальную площадь, посидел на скамеечке, подняв голову к прояснившемуся небу. Вот она, свобода! Один, сам по себе, как облака в небе.

Время до вечера я решил скоротать в библиотеке. Заранее узнал, где в Такамацу и окрестностях какие библиотеки. Я с детства привык к библиотекам. А куда деваться, если домой идти не хочется? В кафе не пускают, в кинотеатр тоже. Остается библиотека. За вход платить не надо, пришел один, без взрослых – никто слова не скажет. Садись на стул и читай любимую книжку. После уроков я на велосипеде катил в ближайшую районную библиотеку. А сколько я просидел там в выходные! Читал все, что под руку попадется, – рассказы, романы, биографии, книги по истории... Разобравшись с детской литературой, переключился на книжки для взрослых. Прочитывал до конца даже те книжки, в которых ничего не понимал. Уставал читать – перебирался в кабинку с наушниками и слушал музыку. О музыке я не имел никакого понятия, поэтому слушал подряд все кассеты, что стояли на полке, начиная справа. Так познакомился с Дюком Эллингтоном, «Битлз», «Лед Зеппелин».

Библиотека стала моим вторым домом. Вернее сказать, там и был мой настоящий дом. Я приходил туда почти каждый день, знал в лицо каждую библиотекаршу. Они помнили, как меня зовут, здоровались, норовили сказать что-нибудь ласковое. А я жутко стеснялся и им не отвечал.

В пригороде Такамацу есть частная библиотека, которую устроил в своем доме один богач из старинного знатного рода. В ней были собраны редкие книги, да и сам дом с садом стоило посмотреть. Библиотеку я видел на фото в журнале «Тайё». Большое старое здание традиционной постройки, уютный читальный зал, напоминающий гостиную, люди развалились на диванах в непринужденных позах, читают книги. Эта фотография почему-то на меня так подействовала, что я подумал: будет случай – надо обязательно побывать в этой «Мемориальной библиотеке Комура».

В справочном бюро на вокзале я поинтересовался, как туда добраться. Любезная женщина средних лет за стойкой вручила мне туристическую карту, пометила крестиком место, где находилась библиотека, и объяснила, на какой электричке ехать.

– До вашей станции минут двадцать, не больше, – сказала она. Поблагодарив, я подошел к табло с расписанием. Электрички ходили каждые двадцать минут. До следующей оставалось еще немного времени, и я купил в киоске бэнто [\[10\]](#), чтоб было чем пообедать.

В электричке оказалось всего два вагона. Пути проходили через оживленный квартал стоявших рядами зданий, пересекали мешанину мелких лавчонок и жилых домов, тянулись мимо заводов и складов. Проехали парк, строительную площадку, где подрастал многоквартирный дом. Я прилип к окну, разглядывая незнакомый пейзаж. Все было мне в новинку. Ведь до сих пор кроме Токио я других городов почти не видел. Электричка шла за город и была пуста, а напротив на платформах толпились школьники в летней форме с ранцами за плечами. Ехали в школу. В отличие от меня. Я же в гордом одиночестве направлялся совсем в другую сторону. Мы с ними ехали по разным рельсам. И в этот момент на меня что-то накатило, сильно сдавило грудь. Вдруг показалось, что не хватает воздуха. А правильно ли я делаю? От этой мысли мне стало страшно

беспомощно и одиноко. И я решил больше не смотреть на школьников.

Железная дорога тянулась вдоль побережья, потом стала забирать в сторону от моря. Побежали поля с высокой, густо росшей кукурузой, виноградники, посаженные на склонах мандариновые сады. В прудах, откуда брали воду, отражалось утреннее солнце. От растекшейся по равнине причудливыми изгибами реки веяло прохладой, невозделанные участки заросли изумрудной летней травой. У путей стояла собака и провожала электричку глазами. На сердце снова сделалось тепло и спокойно. «Все в порядке!» – утешил я себя, сделав глубокий вдох. Только вперед! Ничего другого не остается.

Сойдя на нужной станции, я зашагал на север по улочке, застроенной старыми домами. Как мне и объяснили. По обе стороны тянулись заборы и ограды. Такого обилия и разнообразия конструкций мне еще видеть не доводилось. Из черной плитки, из белого кирпича, сложенные из гранитных валунов, каменные, с устроенной сверху живой изгородью. Тихая улочка, безлюдная. Машин тоже почти не видно. В воздухе едва уловимо пахло морем. Наверное, берег близко. Я прислушался, но шума волн не разобрал. Где-то шла стройка и едва слышно пчелой жужжал электромотор. По пути я ориентировался по маленьким указателям со стрелками, так что заблудиться было невозможно.

Перед внушительными воротами библиотеки росли две аккуратные сливы. Миновав ворота, я пошел по извилистой дорожке, посыпанной гравием. За деревьями в саду тщательно ухаживали – на земле ни одного опавшего листочка. Сосны и магнолии, желтые розы, азалии. Между растениями я заметил несколько больших старинных каменных фонарей. Еще там был маленький пруд. А вот и парадный вход. Устроили его с большим изяществом. Я остановился перед открытой дверью, не решаясь войти. Эта библиотека – совсем не то, что я видел до сих пор. Но если уж специально сюда приехал, придется зайти. Войдя, я сразу уперся в конторку, за которой сидел парень, который тут же предложил мне сдать на хранение вещи. Я скинул с плеч рюкзак, снял солнечные очки и кепку.

– В первый раз у нас? – спокойно и негромко поинтересовался юноша. Голос у него был довольно высокий, но мягкий, без резких ноток.

Разволновавшись, я не смог выдать из себя ни слова, поэтому в ответ

только кивнул. Его вопрос застал меня врасплох.

Зажав в пальцах длинный, остро заточенный карандаш – желтый, с ластиком на конце, – парень с любопытством посмотрел на меня. Невысокий, с правильными чертами лица – не просто симпатичный, а, я бы даже сказал, красивый. Белая хлопчатобумажная рубашка с длинными рукавами, оливковые брюки – и ни единой складочки или морщинки. У парня были длинные волосы, и стоило ему опустить голову, как они падали на лоб. Время от времени юноша, будто вспоминая, поправлял их рукой. Рукава рубашки закатаны по локоть, тонкие белые запястья. Очки в изящной оправе ему очень шли. На груди висела маленькая пластиковая табличка, на которой было написано: «Осима». Он не был похож ни на одного из библиотекарей, которых я встречал раньше.

– Вход у нас свободный. Выбираешь нужную книгу и идешь в читальный зал. Но есть особо ценные издания – к ним прикреплены красные ярлыки. На них нужно заполнять карточки. Вот здесь, справа, в зале, каталожная картотека и компьютер для справок. Ищи что хочешь – доступ свободный. На дом книги не выдаются. Газет и журналов у нас нет. Фотографировать нельзя. Копии снимать тоже. Перекусить можно в саду на скамейке. Работаем до пяти. – Парень положил карандаш на стол и добавил: – Школьник?

Я сделал глубокий вдох и сказал:

– Да.

– Наша библиотека не совсем обычная, – принялся объяснять парень. – Здесь собраны в основном специальные издания. Главным образом, старые книги поэтов, которые сочиняли танка и хайку, и все такое в этом роде. Есть, конечно, и книги для массового читателя, но большинство людей, что сюда специально на электричке приезжают, – литературоведы. Любители Стивена Кинга сюда не ходят. Молодежь, вроде тебя, у нас редко бывает. Разве что аспиранты. Может, ты поэзию изучаешь?

– Нет, – признался я.

– Я так и подумал.

– Значит, мне тоже можно? – робко спросил я, стараясь, чтобы голос не

подвел и не пустил петуха.

– Естественно, – улыбнулся он и, сплетя пальцы, положил руки на стол. – Это же библиотека. Здесь всем рады. Хочется человеку почитать – пожалуйста. А меня, хотя об этом лучше громко не говорить, все эти танка и хайку не очень-то интересуют.

– Дом просто замечательный, – сказал я.

Парень кивнул:

– Семейство Комура еще во времена Эдо[\[11\]](#) начало заниматься изготовлением сакэ. Большое дело у них было. Отец Комуры – того, что устроил библиотеку, – прославился на всю страну как библиофил. Хобби у него такое было. А его отец сам был поэтом, сочинял танка. Поэтому многие писатели, приезжая на Сикоку, навевались сюда. Вакаяма Бокусуй, Исиава Такубоку, Сига Наоя...[\[12\]](#) Некоторые подолгу здесь задерживались. Нравилось, наверное. Семья жила старыми традициями и денег на искусство и литературу не жалела. Обычно в таких семьях в каком-нибудь поколении попадаете тип, который спускает все состояние, но с Комура, к счастью, такого не случилось. Увлечения увлечениями, но и о делах забывать не надо.

– Богачи, наверное... – заметил я.

– Еще какие! – проговорил парень и чуть скривил губы. – Ну, сейчас, может, не такие богатые, как до войны, но денег у них достаточно. Иначе не содержали бы такую превосходную библиотеку. Конечно, фонд создали, чтобы налог за наследство меньше платить, но это уже другой разговор. Если интересно, сегодня в два часа будет короткая экскурсия по дому. Присоединяйся. Экскурсии раз в неделю, по вторникам. Сегодня как раз вторник. На втором этаже редкая коллекция живописи и каллиграфии. Дом и в архитектурном смысле очень интересный. Так что посмотреть не вредно.

– Спасибо, – сказал я.

Он улыбнулся: мол, не за что. Опять взял карандаш и постучал им по столу. Тем концом, где ластик. Тихонько так, словно хотел меня подбодрить.

– А экскурсоводом вы будете?

На лице Осимы снова мелькнула улыбка:

– Я здесь всего-навсего помощник. А отвечает за все Саэки-сан. Она моя начальница. Дальняя родственница господина Комуры. Саэки-сан и проводит экскурсии. Прекрасный человек. Она тебе непременно понравится.

Я вошел в просторный зал с высоким потолком и стал бродить вдоль полок в поисках чего-нибудь интересного. Потолок поддерживали превосходные балки из толстых бревен. В окна вливались потоки солнечного света. Такое солнце бывает только в начале лета. Рамы были распахнуты наружу, и я слышал, как в саду поют птицы. На ближних полках, как и говорил Осима, стояла поэзия. Сборники, критика, биографии поэтов. Много книг по краеведению.

В глубине зала хранились книги «для широкого читателя». Антологии японской и мировой литературы, собрания сочинений разных авторов, древний эпос, философия, драма, искусствоведение, социология, история, биографическая литература, география... Одну за другой я брал их в руки, открывал, и со страниц на меня дышали века. Особый запах глубоких знаний и бурных страстей, мирно спавших в переплетах многолетним сном.

В конце концов я выбрал один том «Тысячи и одной ночи» из многотомного бёртоновского [\[13\]](#) издания в красивом переплете и направился с ним в читальный зал. Мне давно хотелось прочесть эту книгу. Библиотека всего несколько минут как открылась, поэтому в читальне больше не было никого, и этот изысканный зал оказался в моем полном распоряжении. Все было в точности, как на фотографии в журнале. Высокий потолок, просторно, уютно. Налетавший время от времени легкий ветерок бесшумно шевелил белые занавески на распахнутых окнах, принося запахи с побережья. Удобные диваны, не придерешься. В углу старое пианино. Мне показалось, что я в гостях у старого приятеля.

Устроившись на диване и оглянувшись по сторонам, я понял: вот оно,

место, которое я так долго искал. **То самое** – тихое и спокойное, изолированное от остального мира. Но до сих пор оно было для меня чем-то воображаемым, потайным. Я и представить не мог, что нечто подобное в самом деле где-то существует. Я закрыл глаза, вдохнул, и ощущение растворилось во мне мягким невесомым облачком. Изумительное чувство! Я медленно провел рукой по диванной подушке в кремовом чехле. Встал, подошел к пианино, откинул крышку. Едва касаясь, положил пальцы на пожелтевшие клавиши. Закрыв крышку, прошелся по залу, ступая по старому ковру, на котором были вытканы гроздья винограда. Повернул старинную оконную ручку. Зажег торшер. Потушил. Осмотрел развешенные по стенам картины. Потом снова уселся на диван и стал читать. Ушел в книгу с головой.

Когда настало время обеда, я извлек из рюкзака бутылку минералки и бэнто и перекусил на выходящей в сад открытой галерее. В саду было полно птиц. Они перелетали с дерева на дерево, спархивали к пруду попить воды, прихорашиваясь, чистили перышки. Некоторых я раньше никогда не видел. Тут откуда-то возник здоровый рыжий котяра, и птиц как ветром сдуло, а он на них даже внимания не обратил. Ему просто захотелось погреться на солнышке на мощеной дорожке.

– Что? Каникулы в школе? – спросил Осима, когда я по пути в читальню зашел к нему снова сдать рюкзак.

– Да нет. Это я сам себе маленькие каникулы устроил, – ответил я, осторожно подбирая слова.

– Бастуем, значит?

– Ну...

Осима с интересом посмотрел на меня:

– Что значит «ну»?

– Не бастуем. Просто я решил в школу не ходить.

– Как это? Просто взял и решил?

Мне осталось только кивнуть. Я не знал, что ответить.

– У Платона в диалоге «Пир» Аристофан рассказывает, что в древнем мире, о котором сложены мифы, жили три вида людей, – сказал Осима. – Слышал об этом?

– Нет.

– Так вот: в древности были не просто мужчины и женщины, а мужчины-мужчины, мужчины-женщины и женщины-женщины. То есть в одном человеке могло уживаться то, что сейчас – в двух. Поэтому все были довольны и жили нормально. Однако Зевс взял и разрубил всех людей на две половинки. Ровненько так разрубил. Мечом. После этого на свете остались только мужчины и женщины, и люди всю жизнь мечутся, ищут свои отрубленные половинки.

– А зачем Зевс это сделал?

– Что, разделил людей? Хм-м. Не знаю. Его разве поймешь. Вспылил. Хотел, наверное, как лучше, да перестарался. А может, там нагрешил кто-то. Как в Библии, Адама и Еву изгнали из Рая...

– За первородный грех, – вставил я.

– Вот-вот. За первородный грех, – подтвердил Осима и, зажав карандаш между средним и указательным пальцами, покачал им, удерживая в равновесии. – Я хочу сказать, что один в жизни не протянешь.

Вернувшись в зал, я попробовал читать дальше историю придворного шута Абу-аль-Хасана, однако никак не мог сосредоточиться. Как это – мужчины-мужчины, мужчины-женщины, женщины-женщины?

В два часа я закрыл книгу и поднялся с дивана – время экскурсии. Саэки-сан оказалась худенькой женщиной лет сорока пяти. Довольной высокой. В голубом платье с короткими рукавами, поверх которого был накинут легкий кремовый вязаный жакет. Очень стройная. Длинные волосы свободно присобраны сзади. Тонкое, интеллигентное лицо. Красивые глаза. По лицу тенью скользила легкая улыбка. Не знаю, как сказать, – какая-то завершенная улыбка. Похожая на солнечную полянку. Маленькую,

причудливой формы, такую можно встретить в каком-нибудь укромном уголке. У меня дома, в Ногата, в саду тоже было такое местечко. Солнечная полянка, которую я полюбил еще в детстве.

Женщина меня просто поразила – от нее веяло каким-то теплом. Вот бы мне такую мать! Эта мысль приходила в голову всякий раз, когда я видел красивую (или просто добрую) женщину средних лет. Как было бы здорово, окажись Саэки-сан моей матерью. Конечно, такого быть не может. Вероятность близка к нулю. Тут и говорить нечего. Но теоретически какой-то шанс ведь есть, пусть самый мизерный. Я же ни в лицо матери своей не помнил, ни имени ее не знал. Так что почему бы и нет?

Еще на экскурсию явилась пожилая супружеская пара из Осаки. Жена была пухленькая и в очках с диоптриями. Муж – худой, волосы жесткие, с ними он, похоже, управлялся проволочной щеткой. Глаза узкие, лоб широкий – он мне напомнил вперившегося в горизонт каменного истукана, поставленного неизвестно кем на острове в южных морях. Говорила, в основном, жена, а супруг только поддакивал. И еще кивал, охал от восторга и неразборчиво бормотал что-то себе под нос. Судя по одежде, эта пара собралась не в библиотеку, а ползать по горам. Нарядились в непромокаемые жилеты со множеством карманов, массивные ботинки на шнурках и тирольские шляпы. Хотя, может быть, отправляясь в путешествие, они всегда так одеваются. Люди, как мне показалось, вполне приличные. Вряд ли я пришел бы в восторг, окажись у меня такие родители, но все-таки от сердца отлегло, когда я узнал, что на экскурсии буду не один.

Для начала Саэки-сан рассказала, как возникла библиотека Комура, повторив примерно то же самое, что я слышал от Осимы. Устроили ее для того, чтобы открыть людям доступ к книгам, литературным памятникам, произведениям каллиграфии и картинам, которые несколько поколений собирало семейство Комура, и чтобы помочь развитию культуры в этих краях. Комура на свои средства создали фонд, управляющий теперь библиотекой. Время от времени в библиотеке проводятся лекции, камерные концерты. Само здание построили в начале периода Мэйдзи^[14]. В нем разместили книгохранилище, там могли останавливаться гости. В период Тайсё его почти целиком перестроили – появился второй этаж, а помещения, где останавливались приехавшие погостить литераторы, стали еще комфортабельнее. С тех пор и до начала периода Сева у Комура

побывали многие знаменитости, чему имеется много свидетельств. В знак благодарности за гостеприимство поэты дарили хозяевам свои танка и хайку, другие литераторы тоже что-то писали, художники оставляли свои картины.

– Многие из этих культурных ценностей, специально отобранные, выставлены на втором этаже. Можете посмотреть, – говорила Саэки-сан. – Таким образом, к началу Второй мировой войны у нас здесь сложилась богатая культура, причем делалось это не усилиями местных властей, а дилетантами – богатыми семьями, вроде Комура. Короче говоря, они патронировали развитие культуры. В префектуре Кагава выросла целая плеяда выдающихся поэтов, и произошло это в том числе благодаря тому, что Комура, начиная с конца 60-х годов XIX века, на протяжении нескольких поколений вкладывали всю душу в создание и поддержку художественных кружков, объединяющих талантливых людей, в этих местах. О формировании этих очень интересных кружков и происходивших в них изменениях написано много научных работ и мемуаров. Они собраны в читальном зале, и при желании вы сможете с ними ознакомиться.

Комура из поколения в поколение хорошо разбирались в искусстве и обладали великолепным вкусом. Может быть, это было у них в крови. Они умели отличить подделку от подлинного произведения искусства, всерьез занимались лишь по-настоящему выдающимися вещами и руководствовались исключительно высокими стремлениями. Но, как известно, идеального вкуса в природе не бывает. Очень жаль, но были замечательные писатели, которые не заслужили у Комура доверия, и те не смогли оценить их по достоинству. Например, сочинитель хайку Танэда Сантока[\[15\]](#). К сожалению, утрачено практически все, что связано с его именем. Если верить записям о гостях, побывавших в этом доме, он несколько раз останавливался здесь. Он оставлял стихи, письма, однако в глазах тогдашнего хозяина дома Сантока был всего лишь «хвастливым бродячим монахом». С ним не хотели иметь дела, и большинство его творений просто выбросили.

– Вот ужас-то! Что же они натворили! – с искренним сожалением воскликнула дама из Осаки. – Сейчас Сантока такой великий поэт!

– Вы совершенно правы. Однако в те времена о нем абсолютно никто не знал, и то, что произошло, наверное, было неизбежно. Так часто бывает: то

или иное явление можно оценить только по прошествии времени, – с улыбкой проговорила Саэки-сан.

– Да, это так, – поддакнул муж осакской дамы.

Саэки-сан повела нас по первому этажу. Через книгохранилище, читальню, зал, где были собраны ценные литературные памятники.

– Когда строилось книгохранилище, старший Комура наотрез отверг популярный в литературных салонах Киото утонченный стиль чайных домиков, отдав предпочтение архитектуре частного деревенского дома. Но как вы, должно быть, заметили, в противовес смелости и прямоте линий самой конструкции здания, в мебели, элементах интерьера, отделки заложен хорошо продуманный замысел. И все выполнено просто роскошно. Взгляните, к примеру, на эту фрамугу. Какая резьба! Какие мягкие, плавные линии! Вы нигде больше такого не увидите. Ведь на строительство были собраны лучшие мастера со всего Сикоку.

Наша группа поднялась на второй этаж. Высокий лестничный пролет. Перила из черного дерева отшлифованы до блеска так, что даже при легком прикосновении на них оставались следы от пальцев. В окне на площадке красовался цветной витраж – олень, вытянув шею, лакомился виноградом. На втором этаже располагались две комнаты для гостей и просторная зала. Раньше ее пол покрывали татами, здесь устраивались банкеты и разные встречи. Теперь пол был деревянным, а стены украшены каллиграфическими свитками и японской живописью. Посреди залы возвышался большой застекленный стенд с памятными подарками и вещами, имевшими интересную историю. Гостевые комнаты были устроены по-разному: одна в европейском стиле, другая – в традиционном японском. В европейской стояли большой письменный стол и вращающееся кресло. Все выглядело так, будто здесь и сейчас кто-то живет и работает. За окном росли сосны, сквозь кроны которых виднелась линия горизонта.

Парочка из Осаки по порядку обходила выставленные в зале вещи, вслух зачитывая пояснительные таблички. Дама довольно громко делилась впечатлениями, а муж как бы воодушевлял ее своим поддакиванием. Похоже, между ними царил полное согласие. Меня эти экспонаты не особенно интересовали, я больше разглядывал всякие архитектурные

детали. Перешел в европейскую гостевую комнату, и тут появилась Саэки-сан.

– Хотите – можете сесть в это кресло, – предложила она. – Тут сидели Сига Наоя и Танидзаки Дзюнъитиро. **Дзюнъитиро Танидзаки (1886–1965) – японский писатель.**] Кресло, правда, не совсем такое, как тогда...

Я присел, тихонько положил руки на стол.

– Ну и как? Уже появилось желание написать что-нибудь?

Я слегка покраснел и затряс головой. Рассмеявшись, Саэки-сан вернулась в соседнюю комнату к супружеской паре. Не вставая со стула, я поглядел ей вслед: удивительно изящно и естественно она ходит. Не знаю, как сказать, но в ее манерах и движениях было что-то **особенное**. Повернувшись спиной, она точно хотела передать мне что-то. То, чего не выразишь словами. Не передашь, когда стоишь лицом к лицу. Но я не понимал, что именно она хотела мне сказать. Я вообще многого не понимал.

Сидя в кресле, я оглядел комнату. На стене висела картина маслом – вид, как я понял, местного побережья. Художник писал ее в старой манере, но краски были свежие. На столе – большая пепельница и электрическая лампа с зеленым абажуром. Нажав кнопку, я зажег свет. Напротив меня на стене висели старомодные черные часы. Вроде антиквариат, а время показывают точно, подумал я. Половицы местами стерлись, стали неровными и жалобно поскрипывали под ногами.

Экскурсия закончилась. Пара из Осаки, поблагодарив Саэки-сан, убралась восвояси. Оказалось, члены кружка любителей танка у себя в Кансае. Ну жена еще куда ни шло, а вот ее благоверный... Тоже мне стихоплет! Только и может, что поддакивать и кивать. В таком деле, как стихи, самостоятельности надо побольше. А может, на него находит, когда он сочинять садится? Что-то такое осеняет?

Вернувшись в читальный зал, я стал читать дальше. После обеда подошли еще несколько посетителей, почти все в очках от дальнорзости. В таких все люди похожи друг на друга. Время тянулось очень медленно. Народ с

головой погрузился в чтение. В зале было тихо, никто не разговаривал. Кое-кто, склонившись над столом, делал какие-то пометки, но большинство посетителей застыли, не меняя позы, уткнувшись молча каждый в свою книжку. Как, впрочем, и я.

В пять часов я поставил ее на полку и пошел к выходу.

– Во сколько вы завтра открываетесь? – спросил я Осиму.

– В одиннадцать. Понедельник – выходной. Опять придешь?

– Если не помешаю...

Осима прищурившись посмотрел на меня:

– Конечно, не помешаешь. Библиотеки и устроены для того, чтобы люди в них ходили и читали что им хочется. Обязательно приходи. Кстати, хотел спросить: ты все время такой багаж с собой таскаешь? Не тяжело? Что там у тебя, не золотые монеты, случаем?

Я залился краской.

– Да ладно. Это я так. – Осима прижал к правому виску карандаш – тем концом, где ластик. – Ну, пока. До завтра.

– До свидания, – сказал я.

Осима помахал в ответ – не рукой, а карандашом.

Я вернулся в Такамацу такой же электричкой. В дешевой забегаловке у вокзала взял куриную котлету и овощной салат. Съел еще две порции риса и запил все это теплым молоком. На случай если ночью вдруг проголодаюсь, купил в круглосуточном магазинчике пару нигири^[16], бутылку минералки и зашагал к своей гостинице. Ни быстро, ни медленно – как обычно люди ходят. Чтобы не привлекать лишнего внимания.

Выяснилось, что это типичный второразрядный бизнес-отель, хоть и большой. Записываясь у портье, я назвал чужую фамилию, наврал адрес, возраст и оплатил номер за сутки вперед. Волновался немного, но никто на меня подозрительно не посмотрел и не заорал: «Ну что ты врешь? Мы все знаем. Ведь тебе пятнадцать лет! Из дома сбежал?» Все занимались своими делами. Им было не до меня.

Лифт со зловещим дребезжанием дотянул до шестого этажа. Номер оказался тесным и узким. Неприятная кровать, жесткая подушка, столик, маленький телевизор, выгоревшие занавески на окнах. Ванная – как стенной шкаф, не больше. Ни шампуня, ни ополаскивателя. Окно упиралось в стену соседнего здания. Вот и весь вид. Зато есть крыша над головой, в кране горячая вода. И на том спасибо. Я бросил рюкзак на пол и плюхнулся на стул, осваиваясь в новом жилище.

Вот она, свобода! Я закрыл глаза и задумался: что же это такое – быть свободным? Думал-думал, но толком так ни до чего и не додумался. Понял только, что теперь я один на свете. Да еще в незнакомом месте. Как одинокий путешественник, оставшийся без компаса и карты. Это и значит – быть свободным? Даже на такой вопрос у меня не было ответа. Поэтому я решил больше не ломать себе голову.

Я долго отмокал в ванне, потом старательно чистил зубы. Залез в постель, почитал немного. Надоело – стал смотреть новости по телевизору. Только новости были какие-то дохлые, скучные по сравнению с тем, что произошло со мной за этот день. Я выключил телик и забрался под одеяло. Уже пошел одиннадцатый час. Но сразу заснуть не получилось. Еще бы, первый день на новом месте. Да не простой, а день рождения – все-таки пятнадцать лет. И большую его часть я провел в необыкновенной, замечательной библиотеке. Познакомился с новыми людьми. С Сакурой. Осимой и Саэки-сан. Повезло: с их стороны мне ничего не грозит. Может, это добрый знак и дальше все пойдет хорошо?

Потом я подумал о нашем доме в Ногата, об отце, который сейчас, наверное, там. Интересно, что он почувствовал, когда увидел, что я исчез? Вздохнул с облегчением? Растерялся? Или вообще ничего не почувствовал? Может, даже не заметил.

И тут я вспомнил об отцовском мобильнике. Достал его из рюкзака,

включил и набрал наш номер в Токио. В трубке тут же раздался сигнал вызова. Есть соединение! Гудок прозвучал неожиданно отчетливо – как будто в соседний номер позвонил, хотя до дома семьсот с лишним километров. Трубка бибикнула еще раз, и я нажал «отбой». Сердце стучало как бешеное и никак не могло успокоиться. Работает! Выходит, отец телефон еще не заблокировал. А может, и не обратил внимания, что трубка из ящика стола пропала. Я снова сунул мобильник в карман рюкзака, выключил ночник у подушки и закрыл глаза. Спал без снов. В самом деле, что-то мне уже давно ничего не снилось.

Глава 6

– Здравствуйте, – проговорил немолодой мужчина.

Едва приподняв голову, кот, напуская на себя важность, негромко ответил на приветствие. Кот был старый, большой и черный.

– Какая замечательная погода.

– Эге, – выдавил из себя кот.

– Ни единого облачка.

– ...Пока.

– А что, хорошей погоды больше не будет?

– Испортится ближе к вечеру. Имеются определенные признаки, – заявил кот, лениво потягиваясь. Зажмурился и снова уставился на говорившего.

Тот смотрел на кота и улыбался. Кот почему-то замялся, а потом, как бы передумав, спросил:

– Хм... А вы... по-нашему говорить умеете?

– Да, – будто стесняясь, сказал пожилой господин и в знак уважения снял с головы потертую тирольскую шляпу. – Не всегда и не со всеми котами, но если все нормально, кое-как получается.

Кот коротко хмыкнул в ответ.

– Нельзя ли мне присесть? А то Наката столько ходил – устал маленько.

Кот не спеша поднялся и, шевельнув длинными усами, зевнул так широко, что, казалось, вывернет себе челюсть.

– Сколько угодно. Садитесь куда хотите. Кто бы возражал.

– Спасибо, – поблагодарил господин и сел рядом с котом. – С шести утра на ногах.

– Э-э... Значит, вас зовут Наката?

– Да. Именно. Наката. А вас как величать?

– Забыл, – ответил черный кот. – Было у меня какое-то имя, но по жизни можно и без него обойтись. Вот и забыл.

– Понимаю, понимаю. Если что не нужно, сразу забывается. С Накатой та же история, – почесав в голове, сказал мужчина. – Вы у кого-нибудь живете? У них питание получаете?

– Раньше так было, а сейчас нет. Захожу изредка кое к кому по соседству подхарчиться...

Наката кивнул и, помолчав, заявил:

– А можно вас называть Оцука-сан?

– Оцука? – Кот удивленно посмотрел на собеседника. – Это еще почему? Почему это я вдруг Оцука?

– Да нет, вы не подумайте... Наката это так... Просто вдруг в голову пришло. Когда нету имени, тяжело запоминается. Потому такое имя и придумал. Нет, что ни говорите, а с именем все-таки удобнее. Например: такого-то числа такого-то месяца после обеда встретил на пустыре по такому-то адресу кота Оцуку, черной масти... Тогда все понятно даже тем, у кого с головой плохо, вроде Накаты. Так лучше запоминается.

– Хм-м, – произнес кот. – Ерунда какая-то. Котам это без надобности. Ну, запах или вид – это еще куда ни шло. А это... Нам и без имени хорошо.

– Наката очень вас понимает. Но ведь, Оцука-сан, у людей все по-другому. Много чего помнить надо, так что без числа или имени никак не обойтись.

Кот посопел и сказал:

– Неудобно у вас устроено.

– Совершенно верно. Очень неудобно, когда много запоминать приходится. Вот и Накате надо помнить, как зовут господина губернатора, номер автобуса... И все же можно звать вас Оцука-сан? Или, может, вам неприятно?

– Не то чтобы приятно, конечно... Но и особо неприятного тоже нет. Мне все равно. Оцука так Оцука. Хотите так – пожалуйста. Хотя все равно, чужое какое-то имя.

– Как же вы Накату обрадовали! Огромное вам спасибо, Оцука-сан.

– А вы хоть и человек, но как-то не так говорите, – заметил Оцука-сан.

– Да. На это все внимание обращают. Только Наката по-другому не умеет. Он всегда так говорит, потому что у него с головой плохо. Но не с самого рождения. Просто в детстве имелся несчастный случай, и с головой что-то случилось. Наката даже писать не умеет. Книг и газет тоже не читает.

– Хвастаться тут, конечно, кечем, но я тоже писать не умею, – признался кот и несколько раз лизнул правую лапу. – Зато голова в порядке и неудобств никаких не чувствую.

– Вы абсолютно правы, – заявил Наката. – Однако у людей не так: писать не умеешь – значит, плохо соображаешь. Книжки-газеты читать не умеешь – то же самое. Так уж заведено. А отец у Накаты – правда, он уже давно умер – большой человек в университете был. Сэнсэй. «Специалист по финансам» называется. А еще у Накаты два младших брата. Очень умные. Один – начальник отдела в этом, как его... «Итотю»[\[17\]](#). Второй в другом важном месте работает. Называется – Министерство внешней торговли и промышленности. Оба живут в больших домах, угря едят. Только Наката слабоумный.

– Зато вы по-кошачьи разговаривать умеете.

– Это да, – согласился Наката.

– Ведь не каждый может.

– Вы правы.

– Значит, не скажешь, что голова плохо работает.

– Да... нет... То есть, Наката плохо в этом разбирается. С детства ему все твердили: слабоумный, слабоумный. Что еще думать остается? Наката, как станция называется, прочитать не умеет, а без этого билет не купишь, на электричку не сядешь. Хотя в автобус можно, если специальный пропуск показать. Инвалидный называется.

– Хм-м... – бесстрастно промычал кот.

– Читать-писать не можешь – на работу не устроишься.

– Как же вы живете?

– Пособие получаю.

– Пособие? А это что такое?

– Это когда господин губернатор деньга платит. А Наката живет в маленькой комнатке. Этот дом в Ногата находится, называется «Сёэйсо». Питание три раза в день.

– Вроде неплохо устроились... На мой взгляд, конечно.

– Очень даже неплохо. Вы правы, – сказал Наката. – Есть где от дождя и ветра укрыться. Наката ни в чем не нуждается. А бывает, его просят поискать пропавших кошек. За это спасибо говорят и деньги дают. Только Наката господину губернатору про это не рассказывает. Поэтому прошу вас: не говорите никому. Получится доход выше нормы, и тогда пособие могут отнять. Пусть денег за кошек немного дают, но на них изредка можно угря покушать. Наката любит угрем полакомиться.

– Я тоже. Пробовал как-то давным-давно, уж и не помню, какой он на вкус.

– Да-а. Угорь – это вещь. Это что-то особенное. Какой только еды нет на свете, а лучше угря Наката ничего не знает.

На проходившей у пустыря улице появился парень со здоровым лабрадором на поводке. На голове у пса была повязана красная бандана. Лабрадор покосился на Оцуку-сан и прошел мимо. Наката и кот, не вставая

с места, молчали, пока парень с собакой не скрылись с глаз.

– Вы, стало быть, кошек разыскиваете? – поинтересовался Оцука-сан.

– Да. Пропавших без вести. Наката немножко по-кошачьи разговаривает, всю округу обойдет, все разузнает, глядишь – и нашел. Наловчился в этом деле, вот его все и просят: найди да найди. Дня свободного нет в последнее время. Правда, Наката далеко ходить не любит, поэтому он решил искать только в Накано. А то еще его самого искать придется.

– Вы и сейчас кого-то ищете?

– Да. Годовалую кошечку. Пеструю. По кличке Кунжутка. Вот и фото имеется. – С этими словами Наката извлек из брезентовой сумки на плече сделанную на цветном «ксероксе» фотографию и показал Оцуке-сан. – Вот она. В коричневом ошейнике от блох.

Оцука-сан, вытянув шею, посмотрел на фотографию и покачал головой.

– Не-е. Не видал. Я почти всех кошек в округе знаю. А эту... Нет. Не видел, не слышал.

Конец ознакомительного фрагмента. Читать дальше:

[Перейти](#)